

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ МИНСКОГО

У статті аналізується зміст та функції одного з важливіших елементів концептосфери М. Мінського – концепту «смерть». Досліджена його еволюція. Показано, що вектор розвитку поетичної думки Мінського був направлений від традиційного трактування смерті як трагічного фіналу людського буття – до розуміння її проміжного положення як необхідного етапу на шляху злиття з божим Абсолютом.

Ключові слова: концепт, концептосфера, функції, еволюція, смерть

Понятие «концепт» в настоящее время является одним из наиболее распространенных и изучаемых как в лингвистике, так и в литературоведении. В своей работе мы опираемся на утвердившееся в современной науке терминологическое определение концепта как ключевого элемента концептосферы писателя, содержащего помимо общепринятого понятийного ядра и авторские коннотации.

Целью данной статьи является изучение содержания и функций концепта «смерть» в поэтическом творчестве Н.М. Минского. Этот концепт имеет особое значение в понимании картины мира любого писателя. В концептосфере Минского «смерть» является не просто важным, но основным, базовым элементом. В течение всего творческого пути поэт и философ Минский стремился познать и показать функцию смерти в бытии человека. С. Сапожков справедливо отметил, что уже в дебютном поэтическом сборнике Минского философские раздумья «о смерти и бессмертии, неверии и вере оцениваются под углом зрения «последних», «проклятых» вопросов о судьбах мироздания и места в нем человека» [4, 10-11].

Концепция человеческого бытия в системе мироздания складывалась в творческом сознании Минского постепенно. Ее основа была заложена в мэонической философской теории поэта, запечатленной, прежде всего, в трактате «При свете совести». В нем автор так определял суть страха смерти: «смерть кажется нам страшной и мучительной не тем, что придется совсем перестать быть. Страшно перестать быть живым и начать быть мертвым, умереть как человек и родиться как труп, перейти из высшей формы в низшую, начать новый ряд грубых бессознательных превращений» [4, 202]. Писатель дает определение понятию смерть не только с позиции средне-статистического человека, но и предлагая свою собственную трактовку. По Минскому, обычные люди воспринимают смерть как нечто ненавистное, «досадное, противное комфорту и почти некультурное, как нечто такое, что в образованном обществе должно быть избегаемо или тщательно скрыто» [5, 53]. Однако процесс умирания, по мнению автора трактата «При свете совести», – это абсолютно противоположное явление, это некое таинство. Минский не рассматривает смерть как уникальное событие в существовании человеческого сообщества. Она естественна и необходима, хотя и ненавистна. Но для человека как личности и единицы вселенной она становится таинством. Смерть является «предисловием ко всякой метафизике» [5, 55].

Минский неоднократно указывает в своих работах на особую значимость феномена смерти в судьбе человека. По его утверждению, смерть является важным элементом в цепи существования человека и становится ступенью в достижении его основной цели – познания верховного абсолюта. Создавая свою теорию мэонизма, писатель выделил основные, базовые мэоны, одним из которых был назван мэон бытия и небытия. Именно в трактате «При свете совести» Минский сформулировал не только суть данного мэона, но выразил свое понимание интересующего нас явления. В поздних работах писателя мы находим более развернутые рассуждения о необходимости и необычайной важности переходного этапа: «умереть как человек и родиться как труп».

Разрабатывая категории своей философской системы, Минский переносит их на поэтическое творчество. Его художественная космология обретает системные черты уже к 1890 году. В ней понятие смерти является одним из наиболее частотных. Примечательно, что на ранних этапах своего творческого пути поэт использует образ лирического героя в качестве «ретранслятора» своих мыслей и рассуждений. В поздний период лирический герой постепенно исчезает, возникает ощущение присутствия самого автора. На протяжении всего творчества Минский размышляет над проблемами конечности человеческого существования, но в каждый период своего развития рассматривает понятие «смерть» с разных позиций.

Определяя эту категорию как одну из важнейших в мэонической системе миропонимания, Минский утверждает, что освобождение от страха смерти и принятие ее может приблизить человека к познанию великого абсолюта. Тем не менее, процесс преодоления извечного человеческого ужаса довольно сложен и длителен. Поэт стремится показать все аспекты этого экзистенциального чувства. Неоднократно упоминая боязнь человека столкнуться со страданиями, сопутству-

ющими процессу умирания, автор заставляет лирического героя во всей полноте прочувствовать это состояние страха: «тебя хранит страданий легион, и смерть сама – в челе их ополченья» [2, 167]. В «Философских разговорах» автор-повествователь отмечает: «... и глядя на Владимира Ивановича, я испытал чувство, уже знакомое мне и раньше, – чувство отвращения к физическим страданиям. Я говорил себе, что физическая агония столь же мало похожа на таинство, как зубная боль <...> Ибо истинное таинство смерти совершается не тогда, когда человек борется с последним дыханием, а в минуты просветления, когда мы вдруг умом постигаем божественную жертву, лежащую в основе мира, и любим свою смерть, как отражение этой жертвы» [5, 247]. Концепция смерти как жертвоприношения Богу подробно охарактеризована в статье С. Сапожкова «Поэзия и судьба Николая Минского». Идея жертвенной смерти во имя восполнения божественной силы, затраченной сакральным существом на создание множественного мира, красной нитью проходит сквозь все размышления поэта. Смерть становится совершенно необходимым условием продвижения по мэонической лестнице к верховному мэону и выполнения миссии человека в продолжении акта миротворения.

Вместе с тем герой лирики Минского не исключает и полного исчезновения человеческой личности, ее аннигиляции. Материальная оболочка является настолько сильным аргументом в его земном существовании, что одна мысль о возможности простого биологического разложения затмевает все будущие ожидания. Так, лирический герой стихотворения «Как страшно трупом истлеть» [3, 80] в испуге восклицает: «как страшно трупом истлеть, среди червей в могильной яме!». Чувство непреодолимого ужаса наполняет все существование человека. Об этом «приспешнике смерти» говорит Минский в стихотворении «Страх» [3, 305]: «Везде, где безмолвно, темно, одиноко, / Где жизнь убывает, являешься ты». Характерно, что причиной страха становится не только мысль об окончательном исчезновении человека, но и опасение суда в некоем иномирии:

И в час, как победу мой ум торжествует,
Твой шепот злорадный мне шепчет вдали:
А вдруг ты ошибся, о мудрый земли,
И грозное «там» существует?

В другом произведении на смену страху смерти приходит мысль об утрате земных ценностей, в частности, возможности заниматься любимым делом, ощущать запахи и видеть солнце: «мертвец когда-то жил. Он мыслью и делами еще живет в других. Он бодрствовал...» [2, 140]. В третьем философском разговоре Минский устами своего персонажа Владимира Ивановича, развивает эту мысль: человеку трудно смириться с тем, что его уже не будет, а остальные будут продолжать жить, совершать какие-то дела и поступки [5, 55].

Существует еще одна проблема, связанная с человеческим пониманием феномена смерти. Лирический герой Минского боится не только исчезновения из земного бытия, но и невозможности существования в одухотворенном виде в сфере трансцендентного. Герой опасается, что таинство смерти может не произойти, он не переступит нужный порог и окончательно исчезнет. Так, в стихотворении «Как сон пройдут дела и помыслы людей» эта мысль подчеркнута достаточно сильно: «И кто-то будет жить не так, как жили мы. / Но так, как мы, умрет бесследно» [1, 189]. О мраке небытия рассуждает лирический герой в стихотворении «Самому себе от самого себя», о замкнутости в кругу вечных земных буден, препятствующих переходу в иное состояние, – в стихотворении «Кошмар».

Постоянное чувство страха перед грядущей судьбой, размышления по поводу реальности жизни и необходимости ее завершения, приводят к тому, что в сознании героя формируется некий персонифицированный образ предстоящей смерти. Он соотносится с устоявшимся поэтическим описанием смерти. Герой наделяет этот страшный образ чертами, присущими как человеку, так и более высоким силам. Так, образ смерти в поэзии Минского чаще всего возникает в виде некоего черного или бледного призрака, способного дышать, говорить, думать, двигаться, убивать: «если ж он предстанет – призрак смерти бледной, ондохнет – исчезнет все тогда бесследно» [1, 181], «смерть в виде черного призрака беззвучно опускается на землю» «настанет день, приспешит время: я все скошу, я все сберу» [1, 183]. Смерть видится ему то печальной, то торжественной, то грозной, то мечтательной, но чаще – всемогущей и уродливой [2, 132]. Помимо общих характеристик герой наделяет смерть дополнительными антропоморфными чертами: «я видел: истлевшие груди висели, / Глазницы пустые сочились на дне, / Во рту улыбавшемся черви кишели / И руки за лаской тянулись ко мне» [2, 194]. Все еще не имея возможности и сил сопротивляться страху смерти, герой находится в постоянном ожидании чего-то неизбежного и ужасного. Его тревоги особенно усиливаются на фоне природы, среди земного, материального мира: «я сном утрашен, я пришел к вам испуганный сном. / Мне снилось, что смерть меня ищет до срока, таится под дверью, стоит под окном» [2, 194]. Примечательно, что характеристика смерти не ограничивается одним лишь внешним описанием. Герой абсолютно уверен, что такая великая сила, как смерть, имеет свои владения и территорию.

Стихотворение «Город смерти» [2, 62] манифестирует идею всевластия смерти. Определяя ее пространственные координаты, уже в названии автор указывает на величину и обширность ее владений. Более того, автор не обозначает границы города: его территория необъятна. Он имеет свою историю, но лишен временных ограничений. Этот смертельный город представляет собой горизонтальную подземную параллель живым земным городам: «под шумным городом, глубоко под землей, прорыли тихий ад, объятый вечной мглой». Свою роль и задание «смерть» выполняет исправно и размеренно. Все в городе указывает на статус и черты хозяина, все ему подчинено. Город смерти предстает мрачным, уродливым, сырым, наполненным могилами, склепами и костями. Такое пространство способствует усилению ужаса перед возможностью попасть в этот «мертвый» мир. Однако, с точки зрения автора, способность находить даже в наиболее жутких вещах положительные моменты, способность воспринимать окружающую действительность в любых ее проявлениях дает возможность людям превозмочь отвращение и страх. Так, герои стихотворения «Город смерти», юноша и девушка, стремятся прорвать круг ужаса: «увидев смерть, дыша сырой могилой, он в ужасе умолк, но, победив испуг, с улыбкою шепнул <...> не странно ль! Смерти вид не испугал меня, а будит и живит». Несмотря на такие смелые восклицания, герои погибают физически и духовно в этом мертвом городе. Смерть принимает их вызов, а герои оказываются не готовыми к осознанию ее истинной власти. Тайна смерти остается недоступной юному уму. Молодые люди насмешливо относятся к священному процессу, и город мертвых мстит за это. Таким образом, автор приводит к мысли о порочности человечества и о неизбежности его гибели. Не стремящиеся ни к чему духовному люди, способные только к поглощению примитивных земных наслаждений, становятся закономерной жертвой хозяйки «города смерти».

В совершенно иной роли выступает смерть в цикле «В дни недуга». Здесь тоже возникает персонафицированный образ страшной силы, которая входит в сознание героя, «как паук ядовитый». Однако эта сила позиционирует себя не в качестве врага человека (« – Я смерть твоя, но верь: я не враждебный дух»), а в образе вдохновительницы и музыки. Смерть призывает героя, отказавшись от бренного мира, творить вечное. И на этом пути он должен доверить свою судьбу ей:

– Я буду музою твоей необычайной,
Отвагой мрачною слова твои зажгу,
На каждом я из них поставлю знак свой тайный
И покорять сердца людские помогу.
И верь: средь слов земных, то робких, то мятежных
Твой голос не замрет. Как перекаточный гром,
В котором слышится простор небес безбрежных,
Он будет возвещать земле о неземном.

Ощувив прилив вдохновения, герой видит теперь путь к воскресению только через врата смерти.

В поздний период творчества Минского усиливается философская составляющая его художественной системы. Пережив все испытания, которые выпали на долю его поколения, оказавшись после революционного переворота в эмиграции, поэт все чаще размышляет о грядущей судьбе человечества. Так, в его произведениях актуализируется образ «древа жизни», приобретающий особую значимость в его поэтическом универсуме. Этот образ впервые появляется в «Философских разговорах». В одном из разговоров автор предвещает гибель человечества, сравнивая духовную жизнь людей с деревом жизни. С существованием этого вечного древа поэт связывает зародившиеся когда-то религиозные верования людей. К сожалению, развиваясь и прогрессируя, человечество потребляет все больше и больше информации, которая пагубно влияет на его духовное состояние. Возникает множество новых технологий, наук, религий. Все они определенным образом затмевают и отодвигают на второй план исконно существовавшие верования и представления о цели существования человека. Подобно тому, как дерево жизни, поглощающее ядовитые вещества, начинает гибнуть, так и человек, принимая ложные идеи, утрачивает не только ориентиры в окружающей действительности, но и забывает об истинных ценностях, настоящем призвании своей жизни. Поэт сравнивает человека, принявшего неправедную веру, то с «фальшивым цветком, вернее, цветущей плесенью» [5, 46], то с червем, который «вьется, змеится» по древу жизни. Люди, уничтожая святыни, стремясь обрести абсолютное влияние и власть, погрязают в неверии и греховности. Обращение к ложным идеалам приводит человечество к духовной гибели.

Аллегорические картины этой гибели предстают в стихотворении «Видение» [3, 23]. Пронизанное апокалипсическим пафосом, оно предвещает грядущее уничтожение не только человечества, но и всего мироздания. Произведение строится на пространственной вертикали: уподобляемое червям человечество обитает во тьме подземелья «в слепом удушьи». Древо жизни всеми своими ветвями обращено к небесному миру, оно «вознеслось в чужбину света из ночей земной отчизны». В этой строке выражена мысль о земном происхождении древа жизни, но неземной его устремленности к небесной «чужбине света». Это противоречие определяет основу конфликта, который разви-

ваются далее. Древо опьянено звездными сказками. Однако корни его продолжают свое подземное существование, уподобляясь червям, превращающим почву в его питательную среду:

А в земле, в слепом удушьи, там, где черви в тьме роились,
Корни, став червообразны, врозь ползли, вились, змеились,
Пили кровь сырого праха, чтобы в жизненные соки
Превратить их и направить вверх, к листьям, чрез ствол высокий.
Для себя не утаили ни единой капли корни,
Ни одним лучом обратным мир не отплатил им горний.

Такая несправедливость становится основанием для бунта корней, которые «воли, солнца захотели». Вырвавшись из-под земли, они опутали и задушили все жизненное древо. В этом стихотворении червообразные корни символизируют земное человечество, заявившее свои права на небесную обитель.

Образ червя в поэзии Минского появляется достаточно часто. Так, в стихотворении «В полночь» подземные призраки сетуют на то, что «дают сумрачные своды, / Черви хищные сосут, / Молча вниз сочатся волю, / Корни влажные ползут» [3, т. 4, 56]. Черви олицетворяют собой в поэтическом мире Минского и человеческое существо. В этом случае этот образ корреспондирует к известному стихотворению Державина «Бог», где человек приравнивается и к ничтожному червю, и к всесильному божеству. По-видимому, державинские стихи подвигли Минского к размышлению о месте человека в мироздании и его роли в существовании Древа жизни. Вместе с тем эти размышления развивались в русле его собственных философских исканий. Они нашли выражение в стихотворении «Я раздавлю тебя – грозили горы» [3, 367], написанном в годы эмиграции и включенном в последний поэтический сборник Минского «Из мрака к свету. Избранные стихотворения» (1922). В этом произведении поэт стремился передать чувства человека, изумленного величием мироздания:

Я раздавлю тебя – грозили горы,
Я поглосю тебя – грозило море,
Я замету твой след – грозили степи.
Лирический герой Минского уязвлен собственной незащищенностью:
Перед безбрежьем их великолепий
Я падал ниц, молился, трепетал,
Болел сознанием, как я жалко мал...

Стремясь передать это потрясение человеческого сознания, Минский использует сильный образ: его герой «громадой мира **изувечен**» (выделено нами – Ю.К.). Именно такое ощущение собственного ничтожества и порождает потребность понять функцию человека в мироздании. Державинская мысль о единстве великого и малого в человеческом естестве раскрывается в стихотворении Минского с иных позиций. Его лирический герой познает суть божественного замысла:

И вдруг в душе раздался гордый смех.
И я постиг, что сам я бесконечен,
Я – бесконечно малое.

Такое открытие объясняет механизм функционирования универсума: ничтожные, «дробные», живущие в условиях постоянной угрозы собственному бытию люди и есть та бесконечность, которая в своей малости равна величию Бога:

И тайну тайн, Всецель и Всеначало
Обрел я также в том, что менее чем мало,
Где все исчезло, где предел всего,
Где мир истлел в ничто – там скрыто божество.

Такой порядок бытия исключает понимание смерти как конечной границы человеческого существования. Напротив, она становится единственным условием всего последующего развития мирового универсума. Тем самым получает объяснение и оправдание устрашающий финал стихотворения «Видение»: Древо Жизни должно засохнуть, ибо в этой последней точке бытия и «скрыто божество», возрождающее жизнь, дающее толчок новому витку развития мира. Смерть – не финал, а «Всеначало». Такое утверждение перекликается с известной евангельской притчей о зерне, которое должно умереть в земле, чтобы возродиться и дать плоды новой жизни. Характерно, что эта притча стала сюжетобразующей в зрелом творчестве младшего современника Минского Владислава Ходасевича, который развивал ту же мысль о произрастании новой жизни из истлевшего земного бытия:

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия [9, 151].

Размышления о смерти как пороге, отделяющем одно состояние от другого, мы находим и в стихотворении Минского «Я слишком мал, чтобы бояться смерти» [3, 86]. Здесь, по сути, вы-

ражена та же мысль, которая определяла содержание стихотворения «Я раздавлю тебя – грозили горы»: смерть – «вечности начало», «ключ всех тайн, порог священный круга».

По Минскому, человек должен многое сделать, чтобы предотвратить свою духовную гибель. Это довольно сложный и длительный процесс, однако поэт верит в возможное спасение. В пятом философском разговоре он отмечает: «очень медленно и где-то на большой глубине ветшают и разлагаются ткани старой религии и складываются ткани новой. Необходимо, чтобы перерождению подверглись самые основные отношения души к миру и к себе самой» [5, 46]. Лишь при условии духовного перерождения человечество спасется.

Таким образом, мы можем утверждать, что концепт «смерть» является структурообразующим в художественной системе Н. Минского. Он представлен целым спектром значений и коннотаций, способствующих выражению философских представлений поэта. Эволюция взглядов Минского на танатологическую проблематику нашла выражение в его трактатах и лирических произведениях. Характерно, что вектор развития поэтической мысли Минского направлен от традиционной трактовки смерти как трагического финала человеческого бытия – к пониманию ее промежуточного положения как необходимой ступени на пути слияния с божественным Абсолютом. В последний период своего творчества Минский утверждал необходимость победы над собственным физическим страхом смерти как необходимым условием обретения бессмертия.

Список использованной литературы

1. Минский Н.М. Стихотворения. / Николай Максимович Минский. – СПб. : Типография В.С. Балашева, 1887. – 248 с.
2. Минский Н.М. Полное собрание стихотворений : в 4 т. / Н.М. Минский. – СПб. : Изд. М.В. Пирожкова, 1907.
3. Минский Н.М. Избранные стихотворения. «Из мрака к свету» / Н.М. Минский. – Берлин. : Изд. Гржебина, 1922. – 459 с.
4. Минский Н.М. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни / Николай Максимович Минский. – СПб., 1890, – 261 с.
5. Минский Н.М. Религия будущего. Философские разговоры / Николай Максимович Минский. – СПб. : Изд М.В. Пирожкова, 1905. – 304 с.
6. Сапожков С. Поэзия и судьба Николая Минского / С. Сапожков // Николай Минский. Александр Добролюбов. Стихотворения и поэмы. – СПб. : Академический проект, 2005. – С. 7-96.
7. Сергеева Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е.В. Сергеева. // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5. Серия «Гуманитарные науки».
8. Ходасевич В.Ф. Стихотворения / В.Ф. Ходасевич. – Л. : Сов. писатель, 1989. – 464 с.

Summary. This article is devoted to the analysis of one of the most important elements of Minsky's conceptosphere – concept «death», its meaning and function. The evolution of this concept is also investigated. It is shown that the development vector of Minsky's poetic idea was directed from the traditional interpretation of death as a tragic ending of human's existence to the understanding of its transitional position as one of the necessary steps on the way of merging with the divine Absolute.

Key words: concept, conceptosphere, function, evolution, death.

Отримано: 20.08.2012 р.

УДК 821.161.1.09

А.І. Котович

ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЗЫ У ПОЭТА МАНДЕЛЬШТАМА

У середині та наприкінці 1920-х р. віршова творчість Мандельштама змінюється прозою. У статті має місце спроба осягнення цього факту. Зазвичай ця зміна пояснюється переважно внутрішніми, особистісними причинами. У статті подано погляд, згідно до якого поета до прози в достатній мірі підштовхнули літературні умови, письменницьке оточення, на той час орієнтоване на прозу. Далі, на початку 30-х, різкий розрив з цим оточенням знаменував повернення до віршів.

Ключові слова: Мандельштам, проза, поезія.

Как известно, к 1925-му году стихи у Мандельштама прекратились, а началось пятилетие прозы (не считая, конечно, переводов). Об этом поэтическом молчании написано достаточно.